

Во что верит „*homo oeconomicus*“?

Германн Заутер

Введение: пояснение используемых понятий

Роль *homo oeconomicus* весьма спорна. Для одних он является воплощением непреложной поведенческой гипотезы; непреложной постольку поскольку эта модель используется в построении экономических теорий. Для других он представляется искаженным отображением человека, воплощением холодного эгоизма, во всех отношениях несимпатичной фигурой. Методологический его статус представляется совершенно иным: с одной стороны речь здесь идет о некотором исходном положении, необходимом для последующей логической дедукции. С другой стороны,—об отображении фактического поведения.

Если понимать „веру“ в обыденном смысле слова как „ничего-незнание“, то совершенно ясно, что *homo oeconomicus* не верит. „Вера“ не представляется при этом как нечто приписываемое виртуальному действующему лицу в экономической модели; она не кажется и принадлежащей к тем мотивациям и ценностям, которые разделяет реально живущий человек, руководствующийся экономической целесообразностью.

Такого рода заключение было бы, однако, излишне поспешным. Это становится ясным, если в понятие „вера“ вкладывается тот смысл, который это понятие имело первоначально, когда оно понималось как „доверие“. Если господин X высказывает мысль, которую я комментирую словами: „я ему верю“, то это означает, что я ему доверяю. Я доверяю ему в том, что он не лжет.

Неосознанное доверие такого рода являются основой повседневной жизни. Мы доверяем надежности институтов, правил, технических сооружений, организаций и т.п. Если я захожу, например, в лифт, то я доверяю тому, что он работает в соответствии с конструкцией фирмы-изготовителя, что эта конструкция надежна, что можно быть, кроме того, уверенным в правильном техническом обслуживании лифта и в том, что в ближайшие пятнадцать минут не отключат ток, не случится землетрясение, в случае чего сработает тормозное устройство кабины и т.д.

Если мы будем понимать веру в этом общем смысле как „доверие“, то каждый человек верит. Никто не может доказать абсолютную „доверительность“ отдельных лиц и организаций. Мы просто полагаемся на них. Вера в этом общем смысле – это *доверие к надежности не контролируемого нами жизненного окружения*. В этом смысле вера жизненно необходима.

Во что же верит *homo oeconomicus*?

И *homo oeconomicus* верит в этом же смысле. Как мы уже говорили его можно понимать

- во-первых, как идеально-типичную конструкцию, без которой мы не могли бы строить какие либо экономические теории и
- во-вторых, как отображение нашего фактического поведения.

Рассмотрим сначала более подробно первую возможность. Какой вере подчиним мы виртуальное действующее лицо в мире нашей экономической модели? Как правило мы

исходим из того, что этот человек верит в надежность определенных прав, например таких, которые вытекают из государственно-правового демократического порядка (право на частную собственность, защита прав человека, охрана свободы конкуренции и т.п.). Эти права представляются ему согласно нашему предположению как наперед заданные, надежные параметры. Исходя из этого базиса *homo oeconomicus* нашей теоретической модели принимает свои решения и отсюда вытекают некоторые „красивые“ результаты: ограниченные ресурсы используются в модели рынка оптимальным образом и интересы отдельных индивидуумов удается примирить с коллективными интересами. Еще раз отметим: все это лишь исходя из предположения, что *homo oeconomicus* верит в надежность либерального правопорядка. Если он этого не делает, - например, из-за того, что он слишком часто бывал разочарован – то результаты теоретического моделирования рыночных процессов будут выглядеть совершенно иначе.

Во что верит *homo oeconomicus*, если мы будем понимать его во втором смысле как отображение нашего фактического поведения? Или иначе: во что верим мы, когда мы принимаем решения, стараясь последовательно руководствоваться экономической целесообразностью? Да в то же самое, во что верит наше экономическое действующее лицо в мире теоретической модели. Мы верим в надежность правопорядка, в дееспособность видимой руки государства и благоприятное воздействие невидимой руки рынка – даже если наша вера нередко подвергается жестокому испытанию. Но без такой веры, без этого основополагающего доверия, мы должны были бы поступать и рассуждать совершенно иным образом.

Без доверия в дееспособность государства в защите порядка конкурентной борьбы ни один из производителей не стремился бы повысить качество своей продукции и, тем самым, привлечь новых потребителей. Возможно он скорее достиг бы желаемой цели повышения дохода, если бы объединился в одном картеле со своими конкурентами. Он имел бы тогда более спокойную жизнь, чем это имеет место при конкуренции.

Экономический рационализм и вера

Наша вера как вера экономически активных лиц, стремящихся к рациональности, идет, однако, значительно дальше. Мы подходим, таким образом, ко второму измерению веры, которого мы еще не касались. Как экономические действующие лица мы преследуем всегда определенные цели. Только сохраняя представление об этих целях, мы можем говорить об экономически рациональной деятельности, которая всегда неразрывно связана с поставленными целями.

Но насколько разумны сами цели? Экономический подход *сам по себе* не дает ответа на это вопрос. Цели при таком подходе задаются в значительной мере извне. Достигает ли кто-то максимального удовлетворения, прибегая к наркотикам или же мирно прогуливаясь по горам, в конце концов совершенно безразлично для расчетов экономического рационалиста. Рациональным может быть и то другое. Различия лежат в отдаваемых предпочтениях и временных масштабах. Тот, чей временной горизонт сильно ограничен, стремится к быстрому удовлетворению своих потребностей и не очень то задается вопросом о том, какие последствия могут возникнуть при этом для него в будущем. Такой подход рационален для него постольку, поскольку он не очень большое значение придает продолжительности своей жизни. Человек с широким жизненным горизонтом отказывается от удовлетворения потребностей в настоящем, если он полагает, что это сокращает его шансы на долгожительство. Такой отказ тоже

рационален. Понимаемая в общем смысле рациональность экономических расчетов имеет размытые, нечеткие границы для того, чтобы можно было различать оба эти поведенческие случая..

Какое отношение это все имеет к *вере*? То, какие цели преследую я в своей деятельности, зависит от моего понимания разумности жизни. Выбор жизненного горизонта тоже тесно связан с этим. В чем я вижу разумность жизнь в свою очередь зависит от того, какому жизненному плану я доверяю, иными словами, в какой план я верю.

Если мы теперь снова вернемся к рассматриваемому вопросу, то мы можем утверждать: *homo oeconomicus*, понимаемый как реальный человек, задумывающийся о разумности своей экономической активности, верит в целесообразность своего жизненного плана и, тем самым, в целесообразность и смысл своих целей. Если бы у него не было этой веры, он не мог бы дифференцировать рациональную и нерациональную деятельности, потому что цели, координирующие его действия, были бы расплывчаты.

Существуют разнообразные жизненные планы, в которые мы можем верить. То, что мы дарим свою веру данному, а не какому либо другому плану не является результатом рационального анализа, так же как *доверие* не есть результат расчета. Веру как раз нельзя заранее „пред-думать“ в том смысле, что нельзя к ней с логической необходимостью прийти путем определенных умственных операций. Мы можем однако о нашей вере „пост-думать“, т.е. мысленно рассуждать о справедливости ее содержания. Это относится к любой вере, в том числе и к вере христиан.

В дальнейшем эти вопросы будут рассмотрены более подробно. Сначала я хочу высказать одно краткое замечание по поводу содержания христианской веры, а затем рассмотреть взаимосвязь между христианской верой и экономической рациональностью.

Что такое христианская вера?

Христиане верят в надежность и осмысленность жизненных планов, базирующихся на словах и деяниях Иисуса из Назарета. Они признают его как того Христа¹, т.е. как ту фигуру, в чьих словах и творениях проявляет себя сам Бог. Это доверие и это признание не являются вынужденным результатом определенных мысленных шагов как это имеет место в других формах веры. Это не означает, однако, что христианская вера несовместима с научным мышлением. Научными методами невозможно ни доказать, ни опровергнуть существование Бога. Вера в надежность научных методов, ведущих к отрицанию Бога, чрезвычайно широко распространена: многие доверяют тому, что научно недоказанное не может служить фундаментом для построения личных жизненных планов. Таким образом, то, что противостоит друг другу - это различные формы веры, а не вера и наука. Они не исключают друг друга, а находятся в состоянии диалога. Обе стороны могут выиграть в результате такого диалога. В какой степени это относится к экономической рациональности?

¹ Christos (греч.) – помазанник (прим пер.)

Влияние христианской веры на экономическую рациональность

Во-первых, вера формирует структуру ценностей и предпочтений экономических действующих лиц и, во-вторых, расширяет их жизненный горизонт.

- *По первому пункту.*

Иисус говорит: „Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?“ (Новый завет, От Матфея, глава 16, стих 26). Для верующих в Христа это высказывание приобретает определяющее значение в выборе собственных жизненных целей. Богатство и власть сопоставляются с другими ценностями. Они теряют свои функции гарантов жизненного счастья. Это отнюдь не означает, что они становятся совершенно неважными! К допускаемому Богом самоформированию человека принадлежит и определенная мера материальных благ и индивидуальной свободы действий; все дело как раз в этой мере! Отрицаются стремление к безмерному обогащению и неограниченной власти.

- *По второму пункту.*

Совсем не безразлично планирую ли я свою жизнь лишь на 60-70 лет или я знаю, что ее истинное завершение возможно лишь в состоянии, в котором все принадлежащее к данной жизни остается позади. Эти два случая представляются существенно различными. Марксистская критика упрекает христианскую веру в том, что она якобы обещает утешение в будущем и лишает способности к изменениям в настоящем. Сегодня следовало бы сформулировать ситуацию совсем не так: христианская вера освобождает человека в этой жизни от невероятного груза ожиданий и предотвращает стремление к безграничным изменениям, не дающих нам покоя.

С точки зрения экономической деятельности последствия более широкого жизненного горизонта очевидны. Интенсивность расходования невозстановимых природных ресурсов падает. В связи с изменением временной шкалы предпочтений (необязательное предпочтение сегодняшних потребностей потребностям в будущем) облегчается проблема заботы о будущих поколениях. При более широком жизненном горизонте вообще проще решаются задачи охраны окружающей среды.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что христианская вера формирует шкалу ценностей и расширяет жизненный горизонт. Благодаря этому экономическая рациональность приобретает разумные цели. Она выигрывает, таким образом, от диалога с верой. В какой мере выигрывает при этом личная активность верующих?

Влияние экономической рациональности на деятельность верующих

Активность верующих ведет нередко к действиям, не выдерживающим критической проверки соотношения между поставленными целями и используемыми для их достижения средствами. Тот, кто будучи христианином, полагается на соображения экономической целесообразности, может избежать такого рода действий. Один пример по этому поводу.

Из христианских соображений было выдвинуто требование стабилизировать цены на сельскохозяйственные продукты, ввозимые из развивающихся стран, на уровне, лежащем выше, чем это диктуется мировым рынком. Критерии экономической целесообразности подсказывают, что такой подход был бы абсолютно не рациональным и, в первую очередь, с точки зрения преследуемых добрых целей. Повышение цен стимулирует, как правило, перепроизводство, ограниченные ресурсы расходуются бесцельно и это происходит как раз там, где непосредственная борьба с нищетой была бы эффективнее.

Заключение

Я хочу вернуться к изначальному вопросу: во что верит *homo oeconomicus*? Мы понимаем его здесь как некий образец для деятельности, основанной на соображениях целесообразности. То, что ему свойственна вера вряд ли можно оспаривать, если мы будем понимать под *верой* его доверие к надежности неконтролируемых жизненных обстоятельств. Короче говоря, *homo oeconomicus* верит во всех случаях. Часто эта вера расплывчата, неосознанна. Это мало удовлетворительное состояние особенно для тех, кто стремится к разумности и целесообразности. Человек, преследующий рациональные экономические цели вовсе не предаёт свой разум, если он задумается о своей вере и будет таким образом ее развивать. Он может это делать, осознанно занимаясь крупными проблемами, сыгравшими существенную роль в истории человечества. Одной из таких проблем является христианская вера. Мой личный опыт показывает, что опора на христианскую веру создает надежные жизненные перспективы, культивирует шкалу ценностей и, тем самым, способствует экономической рациональности в достижении разумных целей. Экономическая рациональность, в свою очередь, может предостеречь от необдуманных – хоть и направленных на благо – действий. В силу сказанного христианская вера и экономическая рациональность находятся в состоянии диалога друг с другом. Обе стороны могут выиграть в этом диалоге.